

Мгновение — и раздался голос системы:

Тело принялось принимать первоначальную оболочку, завершено. Создается новое тело хозяина системы, создание завершено. Душа хозяина вот-вот сольется с новорожденной плотью.

Ему показалось, будто чья-то рука подхватила его, а затем бережно опустила в какой-то сосуд.

Ощущения постепенно возвращались к телу. От накатившего головокружения он невольно поморщился, а лежавшие вдоль туловища пальцы слегка шевельнулись.

Слияние души хозяина с новым телом завершено, статус слияния отличный, признаков отторжения нет.

Длинные густые ресницы, похожие на птичьи перья, легко дрогнули, и закрытые глаза медленно приоткрылись. Черные, как ночь, зрачки сияли ярко, словно звезды на небосклоне.

Идет поиск воспоминаний текущей плоскости, пожалуйста, подождите... Поиск воспоминаний плоскости завершен. Эта плоскость имеет класс Е и относится к низкоуровневым древним мирам. Желает ли хозяин интегрировать воспоминания плоскости?

— Да.

Идет интеграция воспоминаний плоскости, пожалуйста, подождите. Обратный отсчет до слияния: 3, 2, 1, пуск!

Стоило системному голосу умолкнуть, как голову Тун Даоцзюня пронзила волна головокружения, и воспоминания чужого мира хлынули бурным потоком, затапливая его сознание.

Оригинального владельца тела звали Цзянь Хуншу, ему было пятнадцать лет, и он приходился законнорожденным сыном в поместье маркиза Цзинань. Прекрасный лицом, с острым и начитанным умом, он искусно играл на цине, владел шахматами, каллиграфией и живописью. Маркиз Цзянь был женат лишь единожды и наложниц не держал, поэтому, несмотря на происхождение из семьи военачальника, при способностях Цзянь Хуншу ему не составило бы труда в будущем унаследовать титул. Однако суровая реальность отвесила ему звонкую пощёчину.

Супруга маркиза, госпожа Жун, скончалась от болезни. Не прошло еще и семи дней со дня ее смерти, как Цзянь Чуцин привел в дом женщину и юношу, который был старше Цзянь Хуншу на два года. Намерение отца читалось слишком очевидно: женщину звали Шуй Чжуся, а юношу — Цзянь Цзяньжэнь. Причем этот самый Цзянь Цзяньжэнь и являлся Сыном Судьбы данной плоскости.

Хотя в древние времена мужчины из высшего общества часто имели жен и наложниц, поступок Цзянь Чуцина, приведшего новую семью в дом, когда тело законной жены еще не остыло и не миновала первая седмица, выглядел верхом бесстыдства. Цзянь Хуншу тогда от переизбытка чувств потерял сознание прямо в погребальном зале матери.

Но сколь бы горько ему ни было, помешать Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэню обосноваться в поместье маркиза Цзинань он не смог. Если бы не существовало обычая выдерживать траур по умершей жене целый год, Цзянь Чуцин, пожалуй, сразу же возвел бы Шуй Чжуся в ранг законной супруги.

И пусть сейчас Шуй Чжуся оставалась лишь женщиной без роду и племени, Цзянь Цзяньжэнь все же был кровной плотью маркиза. Цзянь Хуншу из старшего молодого господина в один миг превратился во второго сына, а его положение в семье покатило по наклонной.

Снедаемый тоской и не имея возможности излить кому-то душу, Цзянь Хуншу отправился в кабак выпить. По дороге он случайно столкнулся с прохожими, и у него украли кошелек. Когда бедняка уже собирались избить до полусмерти, появился благородный мужчина, который великодушно оплатил его счет за вино. Так они познакомились и сошлись.

Разве мог наивный Цзянь Хуншу устоять перед нежностью и заботой Шао Цзисюна? Он без памяти влюбился в своего спасителя.

И он даже не подозревал, что этот человек — не кто иной, как третий императорский принц нынешней династии, Шао Цзисюн.

Шао Цзисюн был рожден благородной императорской супругой Хуангуйфэй. И хотя на протяжении десятилетий императорская фаворитка пользовалась неизменной любовью правителя, она все же не являлась главной императрицей. Согласно законам императорского рода Даюй, престолонаследие опиралось на правило: назначать наследником законного сына по старшинству. Желая взойти на драконий трон, Шао Цзисюн должен был сокрушить Первого принца Шао Лиюя — старшего сына правящей императрицы.

Поэтому ему требовалось наращивать собственные силы и заручаться поддержкой как можно большего числа придворных чиновников.

Нынешний маркиз Цзянь хоть и не имел выдающихся военных заслуг, но командовал гарнизоном на северных рубежах, а потому принц обратил внимание на Цзянь Хуншу как на законного сына военачальника. Шао Цзисюн прекрасно знал, что Цзянь Чуцин не жаловал юношу, рожденного от первой жены.

Впрочем, для великих планов Шао Цзисюна это не было помехой, ведь у него имелась и другая цель.

Законы императорского рода Даюй гласили, что каждое поколение знатных семей обязано

выдать замуж или женить хотя бы одного представителя рода на члене императорской семьи, независимо от пола. Это позволяло правителям держать под контролем влияние чиновников и эффективнее управлять страной.

Поместье маркиза Цзинань не было исключением. Среди сверстников Цзянь Хуншу оставалось немало двоюродных братьев и сестер, и уж кому-кому, а законному сыну маркиза никак не могло выпасть на долю вступать в брак с представителем венценосной семьи.

Когда Шао Цзисюн раскрыл свое инкогнито, Цзянь Хуншу, узнав, что его возлюбленный оказался в беде, без колебаний бросился ему на помощь, пообещав содействовать великому делу своего избранника.

Шао Цзисюн был безмерно «благодарен» за это и пообещал, что, как только взойдет на императорский престол, покроет путь из шелковых лент длиной в десять ли и возьмет его в жены как императора.

Так ослепленный счастьем Цзянь Хуншу вышел замуж за Первого принца Шао Лиюя, став шпионом, которого Шао Цзисюн подослал к сопернику.

В конце концов Шао Лиюя бросили в темницу смертников по обвинению в цареубийстве, а Шао Цзисюн вззошел на трон и провозгласил себя императором.

Цзянь Хуншу, ввергнутый в опалу из-за связи с Шао Лиюем и заточенный в Холодном дворце, улучил момент, когда стража отвлеклась, и, полный радостного предвкушения, бросился искать Шао Цзисюн, но застал того в постели с Цзянь Цзяньжэнем.

Оказалось, что Шао Цзисюн и Цзянь Цзяньжэнь сошлись задолго до этого, за его собственной спиной.

Цзянь Хуншу изгнали из императорского дворца, а Цзянь Чуцин и вовсе отрекся от него как от сына. В конце концов он оказался на улице, бродяжничая без гроша в кармане. В день пышной свадьбы Шао Цзисюна и Цзянь Цзяньжэня несчастный повесился в полуразрушенном храме на окраине Восточного города.

Переважив воспоминания плоскости, Тун Даоцзюнь подумал, что судьба Цзянь Хуншу была не просто драмой — это целый сервиз из разбитых чашек.

— На этот раз мне наконец-то не придется играть роль массовки, — произнес Тун Даоцзюнь.

Упомянутый персонаж системы, V587, отозвался:

Миры и социальные роли для перемещения хозяина тщательно отбираются системой, чтобы способствовать его наилучшему личному росту.

— Благодарю за заботу, ставлю тебе лайк.

В нескольких предыдущих плоскостях его статус неизменно оказывался самым ничтожным, но нельзя было не признать, что подобные трудности закаляли его характер и позволяли многому научиться. Поэтому он был искренне благодарен V587, несмотря на то, что у каждого из них оставались свои скрытые цели.

Подняв руку, он потер виски, чтобы разогнать тупой остаточный гул в голове, после чего соскочил с постели и подошел к бронзовому зеркалу.

С гладкой поверхности на него глядел ослепительной красоты юноша: кожа нежнее сливок, брови тонкие и длинные, словно ветви ивы, а удлинённые, чуть приподнятые к вискам глаза-фениксы таили в себе манящий призыв. Маленькая мушка под глазом придавала лицу особое очарование, нос был прямым и точёным, а губы напоминали лепестки персикового цвета — яркие без всякой помады.

Лицо казалось невероятно красивым, но при этом вовсе не выглядело женоподобным. Это была абсолютная красота, лежащая вне привычных гендерных рамок. Даже Тун Даоцзюнь, повидавший за десятки перемещений бесчисленное множество писаных красавцев и красавиц, невольно затаил дыхание от восхищения.

В силу своей прошлой профессии Тун Даоцзюнь был заядлым эстетом, а потому остался безумно доволен отражением — пожалуй, настолько, что был готов влюбиться в самого себя.

Единственным изъяном оставалось то выражение жалости и незащитности, которое транслировало это лицо: чрезмерная хрупкость, грозящая сломаться от малейшего ветерка. Но подобное выражение принадлежало прежнему владельцу тела — Цзянь Хуншу.

Тун Даоцзюнь прикрыл лицо ладонью и глубоко вздохнул. Стоило его пальцам легко скользнуть по коже, как беспомощное выражение исчезло. В отражении вспыхнул дерзкий, пронзительный взгляд, а уголки губ тронула высокомерная улыбка, полная ослепительного очарования.

Чуть приоткрыв алые губы, Тун Даоцзюнь тихо выдохнул:

— Мотор!

Игра началась.

Не спеша приведя себя в порядок, он вспомнил, что прежний владелец тела всё ещё соблюдал траур по матери, а потому яркие наряды были под запретом.

Судя по воспоминаниям плоскости, сегодня в империи Даюй отмечался Праздник фонарей. У Цзянь Хуншу было назначено свидание с Шао Цзисюном — именно в этот день тот планировал

«излить ему свои чувства».

Особенный день, сладкие признания и предмет тайного воздыхания — неудивительно, что бедняга Цзянь Хуншу потерял голову и окончательно заблудился в собственных чувствах.

Тун Даоцзюнь холодно хмыкнул и ловким движением собрал шелковистые черные пряди нефритовой шпилькой. Несколько коротких прядей обрамляли его лицо, падая на плечи, а челка была аккуратно зачесана назад, полностью открывая это безупречное лицо. Он прекрасно знал, как выгоднее всего подчеркнуть свои достоинства.

Покопавшись в гардеробе, он остановил выбор на скромном и элегантном халате небесно-голубого оттенка. Оглядев свое стройное и грациозное отражение, юноша тронул пальцами висок и чуть повернул голову, лукаво моргнув своими удлинёнными глазами-фениксами. Природное очарование опьяняло, а родинка у внешнего уголка глаза добавляла образу невероятной пикантности.

— Хозяин, неужели вы и впрямь собрались на встречу с этим ничтожным принцем? — поинтересовался V587.

— А то как же? — отвечая системе, Тун Даоцзюнь уже успел сменить несколько выражений лица: холодное и неприступное, высокомерное, обольстительное, простодушное, милое, чистое и невинное. Наконец, в зеркале запечатлелся образ утонченного юноши с легкой полуулыбкой и манящим блеском в глазах.

Хотя система не требовала от хозяина в точности копировать характер прежнего владельца, слишком резкая смена амплуа тоже могла вызвать подозрения.

Мягкий и кроткий нрав Цзянь Хуншу вполне устраивал Тун Даоцзюня, он лишь намеревался избавиться от излишней сопливости.

— Хм... Конечно, траур есть траур, и яркие ткани носить не положено, но вам не кажется, что этот наряд простоват? — голос V587 звучал скептически. — Выходит, такая красота пропадет зря.

— А по-моему, в самый раз.

— Судя по вашему опыту в прошлых мирах, использование обаяния работает безотказно.

Хотя на Тун Даоцзюне был надет самый простой и сдержанный наряд, само его лицо обладало столь потрясающей притягательностью, что даже выдавшая виды система чуть не потеряла голову. Его хозяин определенно был опасным искusstелем.

— Чтобы очаровывать людей, одной красивой мордашки мало, — усмехнулся Тун Даоцзюнь и

вышел из комнаты.

В прошлой жизни он крутился в зловонном котле шоу-бизнеса и повидал всякое. После гибели он заключил сделку с V587 и начал свое путешествие по мирам, где впечатлений стало еще больше. К нравам этого мира, благоволившего однополым отношениям, он привык без малейшего психологического дискомфорта.

— Хозяин, и как же вы собираетесь рассорить Сына Судьбы с этим поганим принцем?

Возле каждого Сына Судьбы неизменно крутился сильный помощник, помогавший ему взойти на вершину мира и впитывать удачу всей плоскости. В данном случае эту роль исполнял Шао Цзисюн: они помогали друг другу, чтобы в итоге захватить власть над десятью государствами.

Однако для успеха подобного союза требовалось множество сцепленных шестеренок. Стоило разбить и раскидать эти шестеренки поодиночке, и тогда посмотрим, сможет ли этот принц оказать хоть какую-то помощь.

— Цзянь Цзяньжэнь познакомился с Шао Цзисюном через прежнего владельца тела, да и на трон тот уселся благодаря ему же. Что, по-твоему, случится, если Цзянь Хуншу в пух и прах разругается с Шао Цзисюном? — на губах Тун Даоцзюня заиграла зловещая усмешка, и он быстрым шагом покинул внутренний двор, направляясь по крытой галерее к выходу.

— Ого! Хозяин хочет помешать им встретиться?

— Не просто помешать встрече, а изменить саму форму знакомства, чтобы траектория судьбы сбилась с пути, — глаза-фениксы Тун Даоцзюня хищно блеснули.

— Эффект бабочки! — догадался V587.

— Вроде того. Но перед этим нужно сперва проверить, чего стоит этот Первый принц. Если он окажется куском дерьма, который невозможно поднять на стену...

— Если Первый принц не годится, есть Седьмой, Девятый, Двенадцатый! — принялся перечислять V587.

Тун Даоцзюню требовалось отнять у Сына Судьбы удачу плоскости, поднять свой уровень, заработать очки плоскости, обменять их на Пилюлю Возвращения Времени и вернуться в собственный мир, чтобы повернуть время вспять и исправить ход судьбы.

V587 преследовало схожие цели: выполняя задания, оно повышало собственный класс и расширяло функционал системы. Поэтому оба они относились к поставленной задаче со всей серьезностью.

Если же попытка контратаки против Сына Судьбы провалится, система хоть и не накажет его напрямую, но самого Тун Даоцзюня ждет сокрушительный откат плоскости. Сын Судьбы отберет у него всю удачу, и тогда побег станет невозможным — придется оставаться в ловушке до тех пор, пока мучения не сведут его в могилу. Тот специфический вкус боли никому не захотелось бы испытать во второй раз.

— Седьмому принцу всего пять лет, Девятому — три, а Двенадцатому исполнилось лишь два месяца. Неужели мне придется нянчиться с младенцами? К черту! Если Первый принц и впрямь окажется никчемной тряпкой, я буду бить его до тех пор, пока от него не останется мокрого места.

— Верно, избалованных сопляков надо учить уму-разуму.

Больше всего система любила наблюдать за этим властным и дерзким проявлением характера хозяина. Как вспомнить их первую встречу — тогда он казался таким наивным, добрым и милым ребенком!

— V587, активируй задание.

— Задание плоскости активировано: за успешную контратаку против Сына Судьбы положено значение удачи/ци. Текущее значение удачи хозяина: 0.

Миновав поворот галереи, Тун Даоцзюнь столкнулся лицом к лицу с человеком.

Перед ним стоял юноша с чистыми чертами лица, белоснежной кожей, лучистыми глазами и алыми губами. Облаченный в простое белое одеяние, с тонкими изгибами талии, он излучал ауру первозданной чистоты, напоминая горный лотос. Увидев Тун Даоцзюня, он озарил всё вокруг сияющей улыбкой:

— Сегодня такой прекрасный Праздник фонарей, братец собрался куда-то выйти?

Глядя на эту лучезарную ухмылку, Тун Даоцзюнь едва сдержал желание врезать ему от всей души.

К чему эти театральные позы белого лотоса? Кого он пытается разжалобить?

— Ой, у моей покойной матушки был лишь один сын. С каких это пор у меня объявились безродные ублюдки, пытающиеся примазаться к семье? Тьфу.

— Хозяин, да у этого Цзянь Цзяньжэня от злости аж перекосило лицо и зеленый цвет

проступил! Вы попали прямо в яблочко, браво, хлопаю стоя!

— Скажи я еще пару слов, у него бы точно insult случился, — в глазах Тун Даоцзюня мелькнули острые, безжалостные искры.

— Жизнеспособность Сына Судьбы сравнима с живучестью таракана, к тому же убивать его нельзя. На нем завязана вся удача плоскости, стоит ему погибнуть — и мир просто схлопнется, — серьезно напомнил V587.

— Ладно, в следующий раз не стану портить ему нервы, придумаю что-нибудь поинтереснее, — Тун Даоцзюнь расплылся в лукавой улыбке, полной нездорового азарта, чувствуя, как настроение стремительно улучшается. Впрочем, сначала стоило отделаться от назойливого принца, чтобы тот не докучал в будущем.

Шао Цзисюн поджидал Цзянь Хуншу на берегу реки в Восточном городе, у раскидистой ивы. В ночь Праздника фонарей оба берега реки традиционно украшались плывущими по воде огоньками, создавая невероятно красивую и романтическую картинку.

Желая произвести максимальное впечатление и заставить Цзянь Хуншу потерять голову от восторга, Шао Цзисюн заранее отдал приказ личной страже очистить периметр от посторонних зевак.

Из воспоминаний плоскости Тун Даоцзюнь знал, что в тот вечер они просидели под ивой до утра, любуясь иллюминацией, после чего хрупкий здоровьем Цзянь Хуншу простудился от ночной сырости и слег с тяжелой лихорадкой.

— Докладываю хозяину: цель прибыла в указанную точку, — в поле зрения всплыл интерфейс карты императорской столицы, транслируемый V587.

Тун Даоцзюнь как раз с аппетитом откусил кусок от купленной у уличного торговца засахаренной боярышницы на палочке. Услышав подсказку системы, он слегка приподнял бровь, следя за мерцающей на карте красной точкой.

— Прекрасно, тогда отправляемся на место, — с наслаждением дожевывая лакомство, он зашагал по улице в сторону восточной набережной.

Приблизившись к восточной части города, Тун Даоцзюнь уже расправился с боярышницей и с легким сожалением облизал губы. Его взгляд случайно упал на узкий переулок возле лавки зерноторговца, где были аккуратно сложены мешки и толстые палки. Глаза-фениксы сузились.

Выбросив пустую бамбуковую палочку, он зашел в тупик, подхватил один из пустых мешков и выбрал увесистую деревянную дубинку.

Увидев этот реквизит, V587 озадаченно спросило:

— Хозяин, зачем вам мешок и палка?

На лице Тун Даоцзюня расцвела зловещая улыбка:

— Натягивать мешок на голову.

Система мгновенно выдала справку по значению этого выражения:

— Ого, хозяин, неужели вы решили избить поганого принца?

— Именно. Бить буду больно, — кивнул Тун Даоцзюнь и, следуя подсказкам системной карты, шмыгнул в темный переулок, ведущий прямо к реке.

— Внимание, система фиксирует: показатель боевой силы принца выше показателя хозяина на 3 единицы. Текущая сила хозяина составляет 5 очков. Желаете потратить очки плоскости на улучшение физических параметров?

Текущие характеристики тела Тун Даоцзюня были скопированы с оригинала. В таких низкоуровневых мирах класса E максимальное значение любого параметра достигало 10, а минимумом обладали лишь новорожденные младенцы — единицу. На данный момент Тун Даоцзюнь представлял собой классического «бойца на пять баллов».

После прохождения каждого мира ему начислялось по 20 бонусных очков, спектр применения которых был невероятно широк: помимо прокачки физических данных, их можно было тратить на покупку полезных артефактов в системном магазине вроде той же Пилюли Возвращения Времени.

Однако, чтобы не нарушать баланс плоскости, на каждый мир выделялось лишь по 10 очков для свободного распределения. Наученный горьким опытом прошлых перерождений, он привык беречь каждую крохи и приберегал их на самый крайний случай.

Хотя цифры в статистике дублировали слабое тело прежнего владельца, его собственная физическая оболочка благодаря многолетним тренировкам и системным апгрейдам давно стала предельно выносливой и сильной, так что тратить драгоценные очки на пустяки не имело смысла.

— Мне хватит и этой пятерки, чтобы знатно отмудохать этого негодяя, — злорадно усмехнулся Тун Даоцзюнь. — V587, списать 1 очко плоскости, активировать эффект оглушения.

«Оглушение» являлось пассивным системным навыком, полученным им по итогам предыдущей миссии, и активировалось за символическую плату в одно очко.

— Принято! Списано 1 очко плоскости, навык «Оглушение» активирован. Эффект: радиус триста метров вокруг хозяина, игнорируя препятствия, поражает указанные цели, погружая их в пятисекундное состояние ступора. Навык можно прокачивать за очки, текущий уровень: 1/5. Статус: активно. Желаете применить?

Конец переулка преграждала глухая двухметровая стена. Для Тун Даоцзюня преодолеть такое препятствие не составляло ни малейшего труда.

Даже не разгоняясь, он легко оттолкнулся ногами от кладки, подтянулся на руках и мгновенно перемахнул на другую сторону.

— Применяю!

Сразу за стеной начинался берег реки в Восточном городе. У раскидистой ивы стоял мужчина в богато расшитом синем халате. Почувствовав движение за спиной, он попытался обернуться, но не успел разглядеть незваного гостя, как в голове неожиданно зашумело, а сознание заволочло туманом.

В ту же секунду на его голову сверху нахлобучили плотный мешок, а следом в живот пришелся мощный удар, от которого бедняка согнуло пополам. Не успел он издаlek всхлипнуть от боли, как по спине, ягодицам и ногам застучала тяжелая дубинка. Финальный удар пришелся точно под колено, подломив Шао Цзисюну ноги, и тот рухнул на землю, забившись в дорожной пыли.

— Ты... кто такой? Ах... Дерзкий разбойник! Да ты знаешь... Ай... Помогите!

— Эффект оглушения окончен, крики о помощи привлекут охрану. Хозяин, ноги в руки!

Тун Даоцзюнь вовсе не собирался затевать долгие баталии. Напоследок от души приложив распростертого на земле Шао Цзисюна деревянной палкой и насладившись его стонами, он резво бросился назад и с невероятной легкостью перемахнул через ограду.

Уходивший Тун Даоцзюнь не заметил, что на третьем этаже ближайшего здания приоткрылась узкая, в два пальца, щель оконной створки, из которой за всей сценой внимательно наблюдал некто, устроившийся на подоконнике.

<http://bllate.org/book/22155/2307809>